

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса : монография. Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 404 с.

Название этой книги покажется филологу заманчивым и интригующим, содержание же не обманет ожиданий. Итак, объектом исследования в ней является **дискурс**, причём и в первом аспекте его понимания – речь, «погруженная в жизнь»¹, «коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некой формальной конструкции – текста»², и во втором (М. Фуко, О. С. Иссерс и др.) – дискурсивная практика, способ использования языка: в книге исследуются научная речь и речь СМИ в устной и письменной формах на материале русского и английского языков.

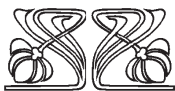
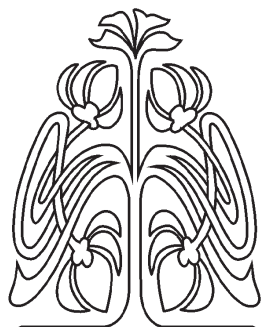
Автор пытается сформировать **системный** взгляд на предмет своего исследования – вспомогательные коммуникативные единицы, «основное предназначение которых состоит в помощи коммуникантам <...> в речевом оформлении мыслей на всех стадиях дискурсивного процесса» (с. 10). Этот взгляд демонстрирует новый виток в осмыслении речевого материала и развивает мысль современных ученых о необходимости заняться лингвистикой речи (М. Н. Кожина, Т. М. Николаева³ и др.), представить её как артефакт, пусть динамичный, «текущий» по своей природе, но системный. Иными словами, период накопления знаний, некоторый итог которому подведен в первой главе, «неизбежно приводит к качественному скачку»⁴, что мы и наблюдаем в рецензируемой книге.

Последовательность в изложении своей концепции, определенного рода неспешность, когда Елена Юрьевна терпеливо излагает разные точки зрения (что очень важно, отечественных и зарубежных авторов) на вспомогательные коммуникативные единицы (далее – ВКЕ) и близкие к ним проблемы, сменяется к концу работы созданием собственной концепции – взгляда на ВКЕ как систему в русле функционального, дискурсивного, антропоцентрического, социо- и психолингвистического направлений в исследовании языка и речи.

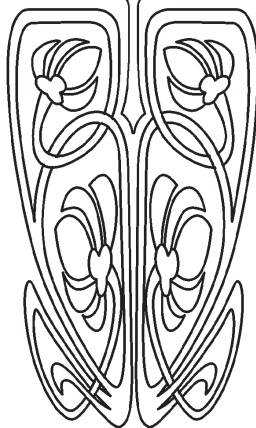
Цель создания концепции (выяснить особенности функционирования вспомогательных коммуникативных единиц как системы и их свойства, выявить с данной точки зрения языковые универсалии и этнокультурную специфику русского и английского языков) обязала автора актуализировать в качестве теоретической базы как многие фундаментальные для лингвистики вопросы (язык, речь, языковые универсалии и этнокультурная специфика языков, устная и письменная формы речи), так и актуальные для современной парадигмы (лингвистика речи, дискурс, вспомогательные единицы речи, дискурсивы, коммуникативы и т. д.).

Эта актуализация привела к неизбежному в таких случаях сопоставлению традиционной и новой классификации речевого материала. Как известно, лингвистика языка (лингвистика в её классическом объёме) в качестве конечной цели своей «работы» предлагает инвентарь иерархически организованных единиц. Например, в морфологии основой такой категоризации является учет трёх основных признаков частей речи (общекатегориальное значение; набор грамматических категорий и средств выражения; функция, синтаксическое поведение), и ведущим всегда считается второй. Все несоответствия между значением и формой, функцией и формой рассматриваются в качестве проявления асимметрии языкового знака (*Не сходил бы ты в магазин?; Да здравствует правда!*).

Лингвистика речи, как это убедительно показано автором, во главу угла ставит функцию: «... Единственно возможный объединяющий все разные дискурсивные слова признак – функциональный» (с. 14), или в

ПРИЛОЖЕНИЯ

конец книги: «... Мы считаем дискурсивами единицы функционально-прагматического уровня, и значения этих единиц изучаются через их функционирование» (с. 357). Генеральной функцией ВКЕ, по мнению Е. Ю. Викторовой, является обеспечение успешности коммуникации, частными – организовать дискурс, речевой контакт, регулировать взаимодействие коммуникантов, помочь самовыражению говорящего и т. д. Только в тексте, в речи при учете авторских намерений и всего, что называется сегодня «конвоем» высказывания, возможно выявление этих функций и, далее, семантики дискурсива. Этому в книге уделено основное внимание. На основании частных функций Е. Ю. Викторовой выделяются и подробно, многосторонне, с точки зрения сферы общения, формы и вида речи, рассматриваются организаторы, регулятивы, акцентивы, хезитативы и т. д. (пример дискурсивов-регулятивов: *на наш взгляд; мы полагаем; я думаю; I think; webelieve; tomy mind*).

Новый взгляд на ВКЕ позволил автору пересмотреть их роль в организации общения, особенно в устной речи. Не заслуженная во многих случаях оценочная характеристика некоторых дискурсивов как слов-паразитов сменяется взглядом автора на ВКЕ как сложную систему, выработанную в процессе развития языка и продолжающуюся развиваться в качестве специального средства коммуникации в помощь адресанту при его взаимодействии с адресатом.

Однако иногда, как представляется, формулировки и некоторые положения «выдают» прежний взгляд. Например, часто говорится о тенденциях пополнения дискурсивов. На мой взгляд, не о пополнении идёт речь, а о движении в дискурсивы и из дискурсивов: на современном этапе речевой деятельности слова и обороты *там, короче, так сказать, как бы* никуда не ушли из языка, но активно из системы дискурсивов изгоняются. Их начинают вытеснять такие речевые единицы, как *на самом деле, скажем так, вот как-то так*. Что интересно – путь из дискурсивов часто сопровождается, скажем так (!), осмеянием, осуждением, потому что именно при активном употреблении они действительно становятся пустышками, заполнителями пауз, паразитами в речи малообразованных носителей языка, которые не чувствуют их полифункциональности, границ синкретичности, а употребляют исключительно в роли заполнителей вынужденных в устном общении пауз. Пример из речи студентов-троечников: *Это как бы подлежащее, а это как бы сказуемое*. В английской речевой среде, вероятно, подобное происходит с *like*.

Всё время система дискурсивов пополняется не может, она лопнет. Существует определенный путь движения *в* и *из*, закономерности которого нам пока неизвестны, но система дискурсивов с обязательной характеристикой их функций, и это является несомненной заслугой автора,

представлена подробно и доказательно. Отмеченное О. Б. Сиротининой (мнение приводится в книге на с. 355) новое употребление *как бы* (*я как бы больна*) со значением «неловкости, скромности»⁵, думается, результат признания «паразитической» роли *как бы*, как следствие его бесконтрольного распространения, и вторичное (или третье) возвращение в актив для передачи новых смыслов, своего рода языковая игра.

Можно предположить, что только в письменной научной речи круг дискурсивов стабилен, границы его довольно чётки. В этом отношении несомненную ценность имеет 2-я глава книги, особенно её первый параграф («ВКЕ в письменной научной речи в русском и английском языках»). Научный дискурс пытается быть объективным, бессубъектным и потому безэмоциональным, отражать естественные, существенные связи и отношения в мире, а способы сделать это адекватно, неискажённо давно отработаны (*во-первых, таким образом, приходим к выводу, кстати*). Хотя и здесь мы можем наблюдать пристрастие в разные периоды времени к таким дискурсивам, как: *думается; мне кажется; я считаю; мы полагаем; известно, что; с моей/нашей точки зрения*). К тому же для научного дискурса характерна замкнутость его носителей кругом высокообразованных специалистов, и потому конечного этапа дискурсива (слово-паразит) они не проходят. Е. Ю. Викторова замечает, что более активное, чем в письменной речи, употребление дискурсивов, авторские пристрастия мы можем наблюдать в устной научной речи, где объективно снижается контроль за сказанным (с. 116–117, 132–133 и др.).

Важными для науки являются выделенные Е. Ю. Викторовой признаки дискурсивов, особенно доказательно – прагматическая полифункциональность и синкретизм. Однако такую разновидность синкретизма, как синкретизм внешнего типа, не считаю правомочным выделять, поскольку это не синкретизм дискурсивов, а употребление слова в разных ролях – первичной, для передачи фактуальной информации, и вторичной, вспомогательной, для организации эффективной передачи: *Платье коротко, скажу коротко*. На том же основании кажется спорным видеть полифункциональность в способности некоторых дискурсивных слов выполнять недискурсивные функции (с. 358). Практически все дискурсивы, за редким исключением (здесь, вероятно, может помочь этимология), – из частей речи, их **выделение** основывается на изменении функции – из единиц, передающих фактуальную информацию, в единицы, служащие средством организации этой информации. У них в пределах дискурсивной роли свои специфические функции.

Более всего из признаков дискурсивов смущает понятие их диффузности, о котором пишет Елена Юрьевна, во всяком случае, по отношению к их части. Представляется, что это **впечатление**

диффузности, которое создается из-за того, что слова типа *короче, значит, good* и под. в процессе перехода из слов, передающих фактуальную информацию, в дискурсивы десемантизируются, точнее сказать – изменяют свою семантику, но, переходя на уровень вспомогательных единиц, становятся очень зависимы от условий употребления, без этих условий они всегда или почти всегда будут казаться диффузными («с размытой семантикой», с. 347). Поясню: в 4-й главе книги иллюстрация диффузности проводится, в частности, на примерах слов *хорошо, прекрасно*. Сама Елена Юрьевна пишет о том, что *хорошо (good)* в определенных жанрах устной речи означает – *я понял, пойдём дальше*. И ничего больше. Почему диффузность? *Прекрасно* на этом месте либо сигнал авторских пристрастий, либо большей выраженности экспрессии, модусной составляющей речи. Мнение автора о том, что «для многих частотных русских и английских дискурсивных слов диффузность значений является типичным признаком» (с. 355), с моей точки зрения, лишь означает, что мы еще не так хорошо знаем и понимаем «конвой» высказываний.

Отголосок «прежнего» взгляда на дискурсивы содержится и в том, как в книге и обобщенно в Заклучении даётся перечень входящих в ВКЕ единиц: «...союзы, предлоги, частицы, вводные и модальные слова <...> Состав этой системы очень пёстрый, в неё входят слова разных частей речи (в том числе и знаменательных), обороты и предикативные единицы» (с. 375). И вот почему.

Поскольку Елена Юрьевна утверждает, что ВКЕ – это транскатегориальная система, состоящая из единиц «второго плана», необходимо и представить её логичнее (ведь модальные слова – это в основном функционально обособленные слова знаменательных частей речи, вводные слова – те же или почти те же, но с синтаксической точки зрения). Далеко не все союзы и предлоги могут выступать в роли дискурсивов. В рамках ВКЕ в работе рассматриваются союзы, в первую очередь подчинительные, и предлоги (которые остались за пределами исследования). По сути понятно, когда речь идет о производных предлогах типа *несмотря на, в связи с* и союзах, вероятно, средствах связи ССЦ или предложений внутри ССЦ (т. е. когда их использование находится во власти автора). А как быть с предлогами и союзами, которые выполняют свои роли внутри фактуальной информации? *Я знал, что; Если солнца сегодня не будет, мы не сможем разжечь костер?* Или это из области различий между научной и наивной картин мира? *Гром гремит, и молния блистает. Гром гремит, поэтому молния блистает.* Или наоборот? Кстати, *поэтому* рассматривается в книге как союз. Известные мне словари этого не предлагают. Хотя, имея в виду лингвистику речи, можно к этому отнести мягче. Например, разграничение *когда*-союза и *когда*-наречия разрешается только в контексте. В

то утро, когда мы вернулись; Он знал, когда мы вернемся. Когда мы вернемся, уже будет поздно что-то предпринимать. Дело в распределении семантики внутри конкретного предложения. Однако лингвистика языка справедливо требует стремиться к точности и однозначности в терминологии.

Иными словами, хотелось бы, чтобы автор отчетливее заявил, что есть система языка, частей речи например, и есть система ВКЕ, но система ВКЕ вторична. Все, практически все части речи (и знаменательные, и служебные), некоторые синтаксические построения могут «откомандировать» своих членов в ряды ВКЕ либо в длительную командировку (*там, прям, короче, знаете, так сказать, скажем так, вот как-то так*), либо в очень короткую (предикативы с модальной семантикой, глаголы-сказуемые и вообще члены предложения, совмещающие в конкретном употреблении фактуальную и вспомогательную информацию). Хочу подтвердить последнее собственным наблюдением за редактированием официального судебного документа доверенным лицом истца: *Такой вывод убеждает нас в том, что решение будет необъективным – Такой вывод убеждает нас в том, что решение может быть необъективным.* В окончательной фразе автор не только сообщил о разном фактическом исходе судебного процесса, но и использованием модального глагола *может* попытался смягчить категоричность своей фразы.

Однако эти и некоторые другие частные, на наш взгляд, недочёты в формулировках лишь доказывают, что «для эффективного донесения до слушающего/читающего всего того, что хочет сказать адресант» (с. 375) не всегда хватает употребленных в тексте ВКЕ, но это в итоге не затенило основной идеи концепции, изложенной в книге, что является доказательством фундаментальности этой концепции, её перспективности, в ней содержится импульс к новому взгляду на основания разграничений языка и речи, приданию большей стройности «артефакту» Язык. Исследование Е. Ю. Викторовой может основательно скорректировать лингвистику языка, именно ту её часть, которая изучает основные, а не вспомогательные коммуникативные единицы.

Что имею в виду? Наиболее уязвимыми в морфологии являются такие части речи, как наречие (по причине их «молодости», формирования на базе основных частей речи – существительного, глагола, местоимения, числительного), слова состояния, причастия, деепричастия, в которых формально-грамматические признаки сформировались недостаточно (если это вообще возможно). Неслучайно, вероятно, наречия – один из основных источников пополнения ВКЕ (из книги – *соответственно, практически, apparently, basically, just, only*). Выделение слов категории состояния вообще базируется на синтаксическом основании, так называемая категориальная семантика

состояния у них вторична: *Мне скучно – Скучно произнес – Лицо было скучно*. Модальные слова выделяются «в сухом остатке», к ним, безусловно, относятся вводные слова с семантикой уверенности/неуверенности (*безусловно, наверно, несомненно*), но не всеми учёными – такие единицы, как *знаете, кажется, к счастью* и т. д. И даже после этого остаются слова вне морфологической классификации (*во-первых, во-вторых, нет, да* и некоторые другие).

Размышления Е. Ю. Викторовой, отражённые в книге, заставляют задуматься над тем, что существуют уровни выделения частей речи. «Части речи» уровня языка – это существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, может быть наречие, грамматическая, морфологическая, формально выраженная «выкристаллизованность» которых даёт им возможность не терять своих частеречных качеств в большинстве контекстов, и «части речи» уровня речи (требование терминологической точности не позволяет избежать тавтологии), в которых формально-грамматические признаки не могут заостряться по причине их, этих слов, полифункциональности, или, наоборот, полифункциональность не даёт сформироваться формально-грамматическим признакам в «недвусмысленном» прочтении. Категория состояния, модальные слова и т. д. – это единицы уровня лингвистики речи. Например, во фразе *Мне лень идти (не хочется идти)* существительное *лень* употреблено в речи в роли слова состояния.

Очевидна шаткость позиций морфологов, когда они пытаются манипуляциями с объемом дать морфологические характеристики модальных слов. И узкая и широкая точки зрения на модальные слова всё равно страдают неубедительностью. Основой их выделения остаётся только поведение в тексте, речи, в роли организующих эту речь компонентов. Причастия и деепричастия разумнее рассматривать как речевые конгломераты (без семы – ‘беспорядочная’, но ‘смесь’), ведущие себя в тексте и как глаголы, и как атрибутивные формы, причем в конкретном дискурсе, жанре, употреблении своеобразно, в разном соотношении категориальных признаков процессуальности и признаковости.

Сосюрковский взгляд на язык позволил нам выявить все или почти все на данный момент его формально-грамматические проявления. В парадигматических и синтагматических рядах эти характеристики обобщены и зафиксированы. Изучив употребление языковых единиц в речи в пределах функциональных грамматик, корректируя свой анализ пристальным вниманием к семантике языкового знака и возможным наращением и превращениям, лингвистика подошла к порогу систематизации собранного материала в форме концепции. Е. Ю. Викторова этот порог переступила, рассмотрев ВКЕ как систему, предназначен-

ную для того, чтобы основные коммуникативные единицы выполняли свою роль эффективнее.

Функциональный, дискурсивный, антропоцентрический, социо- и психолингвистический подходы к анализу речевого материала позволили автору сделать интереснейшие выводы об универсальных, этноспецифических, стилевых, жанровых, личностных характеристиках дискурсивов, что является основой для дальнейшего изучения особенностей употребления этих единиц, решения вопросов более эффективного общения и других, нелингвистических проблем в том числе (социологии, политологии, этнологии, экологии и т. д.). Это, например, выводы о значительной универсальности в употреблении дискурсивов, которая проявляется и как межъязыковая универсальность, и в какой-то мере как межстилевая, потому что очень многие черты в употреблении ВКЕ едины и для двух языков, и для двух сфер общения; о том, что во всех видах речи, кроме письменной научной, регулятивы используются чаще организаторов, причем английские авторизующие конструкции везде в два раза частотнее русских, русские дискурсивы-акцентивы встречаются чаще, чем английские, дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы, намного более характерны для русского языка, чем английского; о том, что в материалах СМИ выявлена тенденция к большей категоричности русских материалов, и многие другие.

В заключение хочу повторить, что книга Е. Ю. Викторовой содержит свою концепцию, открывающую новую страницу в исследовании дискурса, автор работы детально и глубоко исследовал обширный речевой материал из сфер науки и СМИ, причем в письменной и устной формах, на материале двух неблизкородственных языков, что позволило ему быть убедительным в выводах и выявить общезыковые и этнокультурные закономерности в формировании системы ВКЕ. Несомненная заслуга автора книги в том, что дискурсивам дан статус важного компонента речевой организации, что позволит в дальнейшем детально изучать их свойства и закономерности использования.

Примечания

- 1 Арутюнова Н. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 121–122.
- 2 Чернявская В. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия. М., 2006. С. 75.
- 3 См.: Николаева Т. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопр. языкознания. 2015. № 4. С. 18.
- 4 Алтатов В. Что и как изучает языкознание // Вопр. языкознания. 2015. № 3. С. 10.
- 5 См.: Сиротинина О. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски. Саратов, 2013.

О. В. Мякишева